

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ТОПОНИМЫ УКРАИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ И БАЛТИЙСКИЕ (ИРАНСКИЕ) НАЗВАНИЯ РЕЛЬЕФА

Украинское Полесье в геоморфологическом плане составляет южную часть Полесской низменности, которая заходит на территорию УССР из пределов БССР и РСФСР. „Поверхность Полесской низменности очень плоская, без каких-либо больших неровностей рельефа, однообразна“¹. Однако в лингвистическом аспекте Полесская низменность представляет интерес как со стороны своей болотной синонимии — ее общепризнанного терминологического амплуа, так и относительно обозначений повышенных форм рельефа.

В данной статье сделана попытка сопоставить некоторые географические термины и топонимы Украинского Полесья с балтийскими (отчасти, иранскими) терминами рельефа. Задача такого сопоставления — продолжение поисков балтизмов и иранизмов в географических терминах и названиях севернославянских территорий². Материалы по полесским аппелятивам собраны автором в экспедициях 1969 г. и дополнены анкетным опросом студентов Житомирского и Ровенского педагогических институтов.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

1. Волока

1.1. В разъезжей грамоте старосты житомирского Жидимонта и пана Каленика Скипорю на село Тулино, данной около 1458 г. и составленной на месте, в Тулине (ныне Житомирского р-на) или в Житомире, говорится

¹ Ол. Т. Діброва, Географія Української РСР, — Радянська школа, Київ, 1958, 26—27.

² Среди публикаций 1969 г., касающихся этой проблематики, отметим: Н. И. Толстой, Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды, — Наука, Москва, 262 (см. в частности, термины *ендова*, *олес*, *пелька*, *твань*); А. Obrębska—Jabłońska, Elementy litewskie w mikrotoponimii wschodniej Białostoczczyzny, — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 8, Warszawa, 261—270 (реликты лит. *lydimas*, *degimas*); P. Arumaa, Baltics et iraniens, — Studi linguistici in onore di Vittore Pisani, Paideia, 73—90.

о границах „тулинской земли“: „а о(т) дороги(н)ки волокою (разрядка наша — А. Н.) к мокрицю по ту(стор)о(н)у мокрица к тесновце“³.

В этом отрывке: *Дорогинка* — правая притока Тетерева; *Тесновка* — река, упоминаемая также под 1595 г. при описании границ — селения Крошни под Житомиром (АЮЗР, VII, 1, 1886, 62). Судя по контексту, *Мокриц* (<*Мокрец?) также может быть речным названием. *Волска* здесь выступает как нечто связующее, как объект-ориентир, по которому, как и по реке, может проходить граница.

Вместе с тем этот пример приведен в „Историческом словаре украинского языка“ как иллюстрация значения: *волока* — „мера поверхности — 30 моргов“⁴. С этим нельзя согласиться.

Пять веков спустя после составления разъезжей грамоты термин *волока* в значении „низкое, заболоченное место“ был зафиксирован лингвистами (Н. И. Толстой) исключительно в восточном белорусском Полесье на юг и юго-запад от линии Наровля—Ельск—Лельчицы⁵. На территории Украины его записал Н. В. Никончук в с. Листвин, Овручского р-на, Житомирской обл.: *волока* — низменный заросший лес: „у волоку́ жэні́ товѣр пасти“⁶.

Согласно Н. И. Толстому, „в Полесье известно три термина, выраженных лексемой *во́лка* — географический, метеорологический и относящийся к названиям одежды... этимология этих терминов достаточно прозрачна, так как, несомненно, восходит к одному источнику *volkъ, *volčiti... Что касается полесского географического термина *во́лка*, то он мог возникнуть первоначально как транспортно-коммуникативный термин, как „место, где волокли волоком...“ минуя семантические звенья „единица измерения поля“, „пахотное поле вообще“⁷.

В интерпретации Н. И. Толстого мы видим четкое разграничение между метеорологическим и географическим терминами и тезис о невыводимости одного из другого. Однако действительно ли все эти термины „восходят к одному источнику“?

1.2. Географический термин *волока́* известен на значительной части Житомирской и Ровенской областей более или менее к северу от линии Коростень—Барановка—Костополь (см. карту № 1).

³ Вол. Розов, Українські грамоти, том перший. XIV в. і перша половина XV в., Київ, 1928, 167.

⁴ Історичний словник українського язика, I. Зредагував проф. Е. Тимченко, Харків—Київ, 1930, 298.

⁵ См. Н. И. Толстой, Указ. соч., 160—161.

⁶ Н. В. Никончук, Из лексики полесского села Листвин, — Лексика Полесья, Москва, 1968, 81.

⁷ Н. И. Толстой, Указ. соч., 161—162.

Основные определения семантики этого термина:

1) заболоченная местность, заросшая осокой, ситником, тонконогом кустами ивняка, лозы (с. Томашгород, Рокитновского р-на, Ровенской обл., с. Великие Селища, Березновского р-на, той же обл., с. Виры, Сарненского р-на, той же обл., с. Новаки, Коростенского р-на, Житомирской обл.);

2) „место, где протягивается небольшое болотце, из которого вытекает вода. Вокруг растут молодые деревья“ (с. Белка, Овручского р-на, Житомирской обл.); „место, залитое весенней водой, которая стоит до зимы. Когда-то там была речка. Называется волока или речка“ (с. Федоровка, Новоград-Волынского р-на, Житомирской обл.); „с двух сторон лес, посредине ручей, а между сторонами всегда сыро. Тонконог растет по этой волоке“ (с. Осница, Рокитновского р-на, Ровенской обл.).

Следует подчеркнуть, что относительно конфигурации волока имеет удлиненную форму типа долины. Кроме приведенных определений с территории Украинского Полесья, ср. также белорусский пример: „волока из л'есу прот'аґиваје“⁸. Именно такую форму имеет и *Ляшкóва волока́* (вблизи с. Виры, Сарненского р-на, Ровенской обл.), через которую проложены мостки.

Благодаря своей семантике аппелятив *волока* стал собственным названием или вошел в состав собственных названий рек. Ср. в бас. Припяти: *Волка*, п. пр. Корчика ниже м. Корца, Ровенской обл.; *Борисова Волока*, л. пр. Ситовки, л. пр. Припяти⁹. Показательно, что гидронимические *Велски* локализуются в ареале *волоки* — аппелятива (см. карту № 1).

После этого экскурса в область современных полесских говоров (в частности Житомирщины) следует вернуться к разъезжей грамоте старосты житомирского Жидимонта и т. д. с ее „волокою“. По нашему убеждению, вывод здесь может быть только один: если граница „тулинской земли“ проходила *волокою*, то это значит: по заболоченной низменности, имеющей удлиненную форму типа долины и, возможно, покрытой водой. Для языковеда здесь важно то, что существует уже пятисотлетняя традиция употребления лексемы *волока* (в исследуемом значении) на территории Украинского Полесья.

1.3. Обратимся к аналогичным фактам балтийских языков.

Благодаря включению в программу диалектологического атласа латышского языка вопроса о названиях ручья (№ 514), мы теперь с уверенностью можем сказать, что *vaļks* является исключительно курземской лексической чертой. Более того, топонимические материалы, нередко расходя-

⁸ Н. И. Толстой, Указ. соч., 161. (Разрядка наша. — А. Н.)

⁹ П. Л. Маштаков, Список рек Днепровского бассейна, СПб, 1913, 168, 153 и др.

щиеся с апеллятивными в смысле географии однокоренных лексем, на этот раз обнаруживают большое территориальное совпадение с последними, что следует принять как свидетельство относительной древности курземского ареала *vaĩks*. Значение обсуждаемой лексемы в плане его устойчивости поистине является „зыбким“: „ручей“; „влажная низменность (впадина), где хорошо растет трава“; „место в лесу или на лугу, где в дождливую пору, осенью или весной течет вода“; „овраг“; „луг, по которому течет ручей“ и т. д. Более близкая к полесской *волоке* форма *vaĩka* (*vàlka*, *vaĩka*) — ареал тот же, что и у *vaĩks*, — означает „мокрый луг в лесу“; „низкое, мокрое место на лугу“; „лужа на дороге“ и т. п.¹⁰.

Лит. *valkà*, по данным картотеки словаря литовского языка, имеет значения: 1) „лужа, образующаяся после дождя“; 2) „заболоченная местность, где постоянно стоит вода“; „луг с небольшим прудом“ и т. п.¹¹ Примеры употребления *valkà* в значении „лужа после дождя“ локализируются в пунктах: Смильгяй (Паневежский р-н), Саламиестис, Чядасай, Камаяй, Дусетос, Кирдейкяй, Палуше, Даугелишкис, Римше и Опса (БССР). Во втором значении термин *valkà* отмечен в населенных пунктах: Пушалотас (низовье р. Левуо), Дябейкяй, Дуокишкис, Дусетос (верховье р. Швянтойи). Таким образом, изоглосса лексемы *valkà* охватывает область обитания племени селов в XIII в., которую на основании документа 1261 г. определил К. Буга (RR, III, 273–274). Следовательно, данный термин надо признать одной из характерных лексических черт селонских говоров¹². Итак, *valkà* — это еще один пример языковых (в частности, лексических) связей между племенами селов и куршей — теме, которая успешно возобновлена в разыскании А. Брейдака¹³.

В литовских говорах на территории Белоруссии слово *valkà* „влажная часть поля“ употребляется в Лазунай (Лаздунай). При этом уместно вспомнить, что интересующий нас термин рельефа по крайней мере дважды отобразился в гидронимии Белоруссии: *Волка*, л. пр. Морочи, п. пр.

---

¹⁰ Подробной информацией о географии и семантике этих форм автор обязан В. Ф. Дамбе (Рига).

¹¹ Картотека LKŽ. Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР (Вильнюс).

¹² Исключением из селонского ареала обсуждаемого слова являются два примера из южной Литвы: Дусмянис (Тракайский р-н) и Лейпалингис (Лаздияйский р-н), где *valkà* зафиксировано в значении „луг с постоянной водой“ (Картотека LKŽ).

¹³ См. А. Breidaks, *Latgaļu, sēļu un kuršu cilšu valodu sakari*, — *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, 1969, № 9 (266), *Valodniecība*, 40–50.

Случи, л. пр. Припяти¹⁴ и Волка, п. пр. Изледи, л. пр. Березины, п. пр. Немана¹⁵.

В теоретическом плане здесь интересно наличие курземско-селено-полесской лексической параллели.

1.4. После установления полесско-селено-курземской изоглоссы в области географической терминологии возникает вопрос о характере этой общности и мы тем самым возвращаемся к задаче об одном или нескольких источниках трех полесских терминов, выраженных лексемой *волока* (см. 1.1.). Ответ на этот вопрос следует искать в балтийском языкознании.

В латышском словаре К. Мюленбаха и Я. Эндзелина подчеркивается, что существуют образования от „двух, нечетко отделенных друг от друга слов: 1) со значением „влажное место“... и 2) со значением „сток воды“, восходящее к *vilkt* „тянуть“... (ME, IV, 457). В отдельных статьях отражены подобные образования и в литовском этимологическом словаре Э. Френкеля, причем *valkà* „лужа“ в отличие от производных от *vilkti* не имеет славянских соответствий (см. LEW, 1190, 1191). Со славянской стороны, М. Фасмер, комментируя слова *волок*, *волочь* и проч., приводит балтийские соответствия только из гнезда *vilkti* и под. (Эс., I, 341–342).

Таким образом, по данным этимологических словарей балтийским образованиям от *valk-* „влажное место“ нет соответствия в славянских языках.

Означает ли это, что полесское *волока́* является заимствованием из балтийских языков? Такая возможность не исключена: ср. ряд несомненных балтизмов, относящихся к этой же семантической сфере и зарегистрированных в тех же полесских говорах.

Однако допустимо и другое объяснение. Известно, что балт. *valk-* „влажное место“ связано с *valg-* (глагол „есть“), которое, в свою очередь, соотносится со слав. *влага*, *волога*. Следовательно, балт. *valg-* : балт. *valk-* = слав. *влаг-* : слав. **влак-* (> *волока́*)? Т. е. полесск. *волока́* „заболоченная местность“ и т. п., возможное как архаизм, было бы вполне оправдано в своем самостоятельном существовании, не будучи репрезентантом балтов. Ср. „в общем языке славян и балтов были в употреблении, по-видимому, по две формы некоторых слов, различаемые по оттенку значения, — глухая

¹⁴ См. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва, 1962, 180.

¹⁵ М. Г. Мурашко и др., Водноэнергетический кадастр Белорусской ССР, II, Минск, 1962, 91.

и звонкая, но после распада первоначального единства каждая из двух языковых групп обобщила одну из этих форм¹⁶.

2. Кудра

2.1. На территории Украины установленный в экспедициях 69 г. ареал термина *кúдра*, *кúдерка* весьма ограничен. Практически эта лексема встрети́лась только в междуречье Стублы (п. пр. Стыря, п. пр. Припяти), Горыни (п. пр. Припяти) и низовья Случи (п. пр. Горыни) к северу от линии Владимирец — Сарны (см. карту № 1). Вот основные варианты значений этой лексемы:

1) „ставок по поліському“. Пример: „зажені качкі на кúдру“ (определение и пример принадлежат информатору из с. Зульни, Дубровицкого р-на). „Такá кóпана“ (с. Хиночи, Владимирецкого р-на). „Вода засто́яна, болотного вигляду. Кругом кудри грудок“ (с. Половли, Владимирецкого р-на);

2) „долина та ще й лісок по ній“ (с. Новаки, Владимирецкого р-на); „болото, корчі маленькі“ (с. Озеро, там же);

3) остров леса среди поля. Обычно в словосочетании: *кудра* (*кудерка*) *лісу* (с. Красноселье, Владимирецкого р-на, с. Бережница, Дубровицкого р-на и др.). Этому словосочетанию сопутствует или же противопостоит на данной территории выражение *кубло лісу* (в том же значении).

Обращает на себя внимание то, что значения „пруд (в частности искусственный)“ и „остров леса“ в одной и той же лексеме *кудра* сосуществуют на довольно-таки замкнутом пространстве.

2.1.1. В связи с существованием на Ровенщине ареала термина *кудра* можно считать окончательно подтвердившимся предположение О. Н. Трубачева о том, что название реки *Кудрянка*, правой притоки Горыни (в пределах Костопольского р-на Ровенской обл.), имеющей другое название *Став*, действительно является балтийским по происхождению (лит. *kūdra*, укр. став = „пруд“)¹⁷.

Особый интерес вызывает название села *Кидры* (*Кідри*), Владимирецкого р-на, которое расположено в ареале *кудры*. В исторических памятниках это название встречается, в частности, под 1609 г., когда оно в составе Степанской волости перешло в Острожскую ординацию¹⁸. Не исключено,

¹⁶ Я. Отрембский, Рецензия на книгу: Chr. S. Stang, *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*, ВЯ, 4 (1968), 138.

¹⁷ См. О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, — Наука, Москва, 1968, 256.

¹⁸ Ономастическая картотека Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР (Киев).

что именно в этой форме отразилась закономерная трансформация балт. ū > слав. у, тогда как окружающей аппелятивный контекст отражает более позднюю форму заимствования.

Так, именно в этом позднейшем облике фиксируют термин *kudra* памятники Великого княжества Литовского, начиная с 1559 г.¹⁹

2.2. По опубликованным данным А. Станкевича, на территории Белоруссии термин *кудра* зафиксирован в значении „пруд“ (Барановичи) и „отдельно растущая группа деревьев“ (Ошмяны)²⁰. Однако об ареальной противопоставленности значений в данном случае говорить не приходится. Так, по соседству с Барановичским р-ном с его *кудрой* – „прудом“ нами отмечена *кудра* в значении „остров леса“: „Кудерка посеред поля невялікая расте, каля кудерки карову пасе“ (с. Большая Лысица, Несвижского р-на, Минской обл.), а в том же Вороновском р-не Гродненской обл., откуда Г. А. Цыхун сообщил о *кудре* – „маленьком озерке“²¹, нам известно и более широкое значение этого термина как низменной местности вообще, где „среди поля трава широкая растет, вода находится, может пересыхать“ (с. Палецкишки).

По-видимому для *кудры* и на территории Белоруссии свойственен тот же набор значений, который наблюдается в Ровенской обл. Украины, однако в поле внимания исследователей семантика этой лексемы попадала то одной, то другой своей стороной. Прибавим, что в окрестностях Березовки, Лидского р-на, Гродненской обл. *Кудра* известна как название урочища и употребляется словосочетание *кудра леса*, которое завершает сходство украинских и белорусских материалов, касающихся этого географического термина.

Таким образом, сосуществование на ограниченной территории северо-западной части Ровенской обл. Украины значений *кудры* как „пруд“ и „остров леса“ находит себе аналогию в белорусских фактах, в частности в говорах более близкого к Украине ареала Барановичи – Несвиж. Вероятно, следует считать, что этот балтизм на территории Белоруссии и Украины имеет общую судьбу. Ср. аналогичные значения *кудры* в памятниках: „Zostawili tę ziemię naszą ... u kudre siekącą u nieciekącą“ 1580 (1694) Рами-

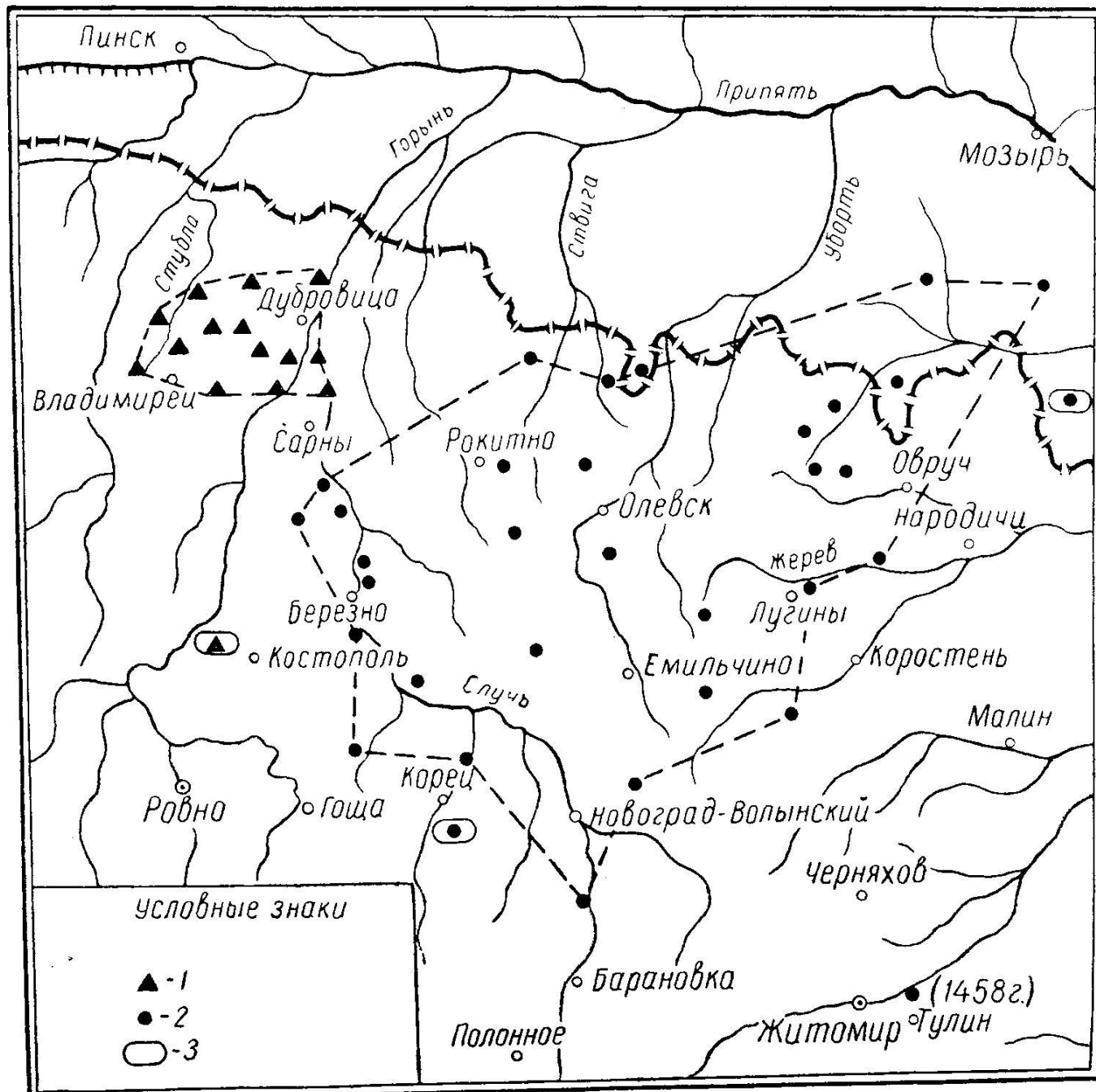
¹⁹ K. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, I, Tekstai, Kaunas, 1941, 108, 249, 313, 332.

²⁰ V. Urbutis, Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai, – Baltistica, V (1), 1969, 62.

²¹ См. Лексічныя балтызмы ў беларускай мове, Матэрыялы для абмеркавання, Мінск, 1969, 52.

гала; „Prowadzili... przez błotko prosto do kuderki v polu będące (y) y do korca, w tey kuderce będącego...“ 1641 (1747) Ночя (пов. Лида)²².

2.3. Обращение к фактам балтийских языков, прежде всего к их аппелятивам, выдвигает на первый план литовский язык. Латыш. *kūdra* (*kūdra*, *kūdra*), как показывают материалы, собранные для диалектологического атласа латышского языка (вопрос № 541), повсеместно имеет значение „торф“, т. е. семантически эта лексема весьма далека от соответствующего

Карта № 1. Термины пониженных форм рельефа в центрально- и западнорусских говорах Украины. Условные знаки: 1 — *кўдра*; 2 — *волока*; 3 — гидроним.

²² К. Jablonskis, Указ. соч., 108.

ном правобережье только 2 населенных пункта имели в своих названиях нарицательное *гора*, а в низменном левобережье — 18. Получается как бы негативный снимок рельефа: где горы на местности, там в топонимии их почти нет, и, напротив, в топонимии их больше там, где меньше на местности²⁴. Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к нашему разысканию: достаточно взглянуть на карту Черниговской области Украины (см. карту № 2), чтобы убедиться в правильности высказанного В. А. Никоновым тезиса. Число славянских терминов, обозначающих выпуклые формы рельефа и зафиксированных в топонимах восточного Полесья, можно было бы увеличить (ср. на Черниговщине и Сумщине *Вершина*, *Вершины*, *Гомолина* и др.). Однако наша задача состоит не в том, чтобы на данной территории развернуть синонимический спектр славянской орографической терминологии, а в том, чтобы на фоне последней найти вкрапления семантически тождественных иноязычных терминов как отражение мозаики этнической истории этой части Полесья²⁵.

1.1. Р. *Борзна*: 1) л. Днепра; 2) л. Десны, с которой теперь соединена каналом.

Деснянская *Борзна* имеет своим притоком р. *Загоровку*, по соседству с которой протекает р. *Лысгор*, принадлежащая уже к бассейну Сулы. „Гористый“ гидронимический контекст подтверждается и в названиях населенных пунктов. Существуют одноименные с реками ойконимы, в частности *Борзна*, но главное то, что в северо-востоку и северо-западу от последней расположены села *Высокое* и *Холмы*. (См. ниже карту № 2.) Таким образом, *Борзна* находится в окружении орографических топонимов (кроме названных также села *Велико-* и *Мало-Загоровка*) и это наталкивает на поиски „горы“ и в самом названии *Борзны*. Ответом может быть предположение об иранской основе: ср. осетинское *barz* „куча; возвышение; курган“²⁶.

Днепровская *Борзна*, вар. *Ворзна* также имеет по соседству топонимы, в основе которых — аппелятивы со значением повышенного рельефа — *Кукоры*, *Высокинъ* (см. карту № 2).

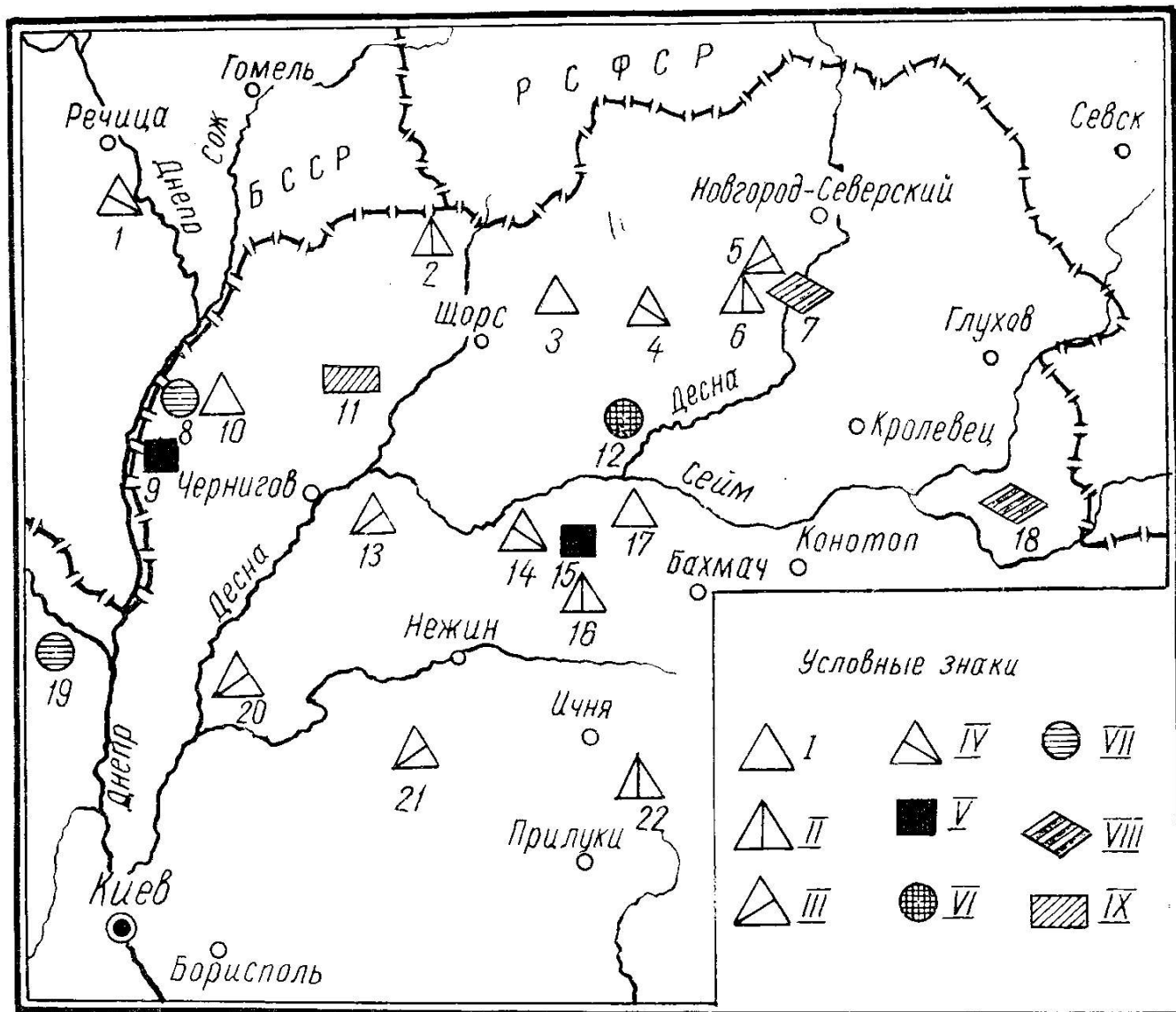
²⁴ В. А. Никонов, Закон ряда в географических названиях, — *Onomastica*, IV(1), 1958, 68—69.

²⁵ Ср. отмеченный Э. М. Мурзаевым и популяризируемый другими авторами „трехслойный“ ороним близ Самарканда: Хребет Нуру-Тау, букв. хребет „Хребет (монгольское) — Хребет“ (тюркское). (Э. М. Мурзаев, Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии, — Вопросы географии, Сборник № 8, Москва, 1948, 184.)

²⁶ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, Москва—Ленинград, 1958, 238.

Карта № 2. Термины повышенных форм рельефа в топонимии восточнополюеских говоров Украины

Условные знаки: I *высок*   IV *холм*   VII *кукор-*
 II *гора*   V *борз-*   VIII *кубр-*
 III *горб*   VI *гунга*   IX *скитер-*

Нумерация пунктов:

1. Холмечь, Речицкий р-н (БССР)	14. Холмы, Борзнянский р-н
2. Горск, Щорский р-н, Черниг. обл.	15. р. Борзна (Борзенка), бас. Десны — пос. Борзна
3. Высокое, Корюковский р-н	16. р. Загоровка, пр. Борзны — с. Велико-и Мало-Загоровка, Бахмацкий р-н
4. Холмы, Холминский р-н	17. Высокое, Борзнянский р-н
5. Горбово, Новгород-Северский р-н	18. р. Кубер, пр. Клевени
6. Горки	19. Кукорикова Гора (Опачичи, Чернобыльский р-н, Киевская обл.)
7. оз. Кубра	20. Горбачи, Козелецкий р-н
8. Кукоры, Любецкий р-н	21. Горбачи, Бобровицкий р-н
9. р. Борзна, л. п. Днепра	22. р. Лысогор, пр. Удая — с. Лысогоры, Дмитровский р-н.
10. Высокинь, Репкинский р-н	
11. ур. Скитерево (Выхвостов, Тупичевский р-н)	
12. ур. Гунга (Спасское, Сосницкий р-н)	
13. Горбово, Куликовский р-н	

1.2. *Кубра*, вар. *Кубря*, оз. около *Десны* в окрестностях сел *Горбово* и *Горки* (р-н Новгорода-Северского); *Кубер*, руч. (г. Путивль) пр. *Клевени*; *Кубрь* (*Кубарь*) л. *Клевени*, п. *Сейма*, л. *Десны*.

Относительно происхождения названия притока *Клевени* В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев указали на возможность сближения с лит. *kaĩbrė*, *kaiburė*, *kaiburys* и т. п. „горб, горка“²⁷. В подтверждение этой мысли кстати подчеркнуть, что озеро *Кубра* (вар. *Кубря*) как раз расположено вблизи сел с названиями *Горбово* и *Горки* (см. карту), что же касается названия реки *Клевени*, принимающей в себя *Кубарь* (вар. *Куберь*, *Кубрь*), то не исключено, что она также обозначает „горную“: ср. термин *клева*, *клива* „гора“, встречающийся не только в Восточных Карпатах²⁸, но и в Полесье (Житомирская обл.)²⁹, с одной стороны, и факт перенесения другого орографического термина *грунь* из района Карпат вплоть до гидронимии *Сейма*³⁰, которому принадлежит и наша *Клевень*, — с другой. Нам кажется, что эти замечания усиливают и орографический характер гидронима *Кубарь*.

В плане балто-иранских связей необходимо обратить особое внимание на то, что лит. *kaĩbras* совпадает с осетинским *k'ubyr/k'ubur* „бугор; холмик; выпуклый“ и т. д., которое относится к изобразительным словам типа *kb(r)* для обозначения „выпуклого“ и т. п.³¹. Таким образом, гидроним *Кубра/Кубря* теоретически можно было бы считать как балтийским, так и иранским. Как известно, балто-иранские контакты в бас. *Десны*, и особенно — *Сейма*, установленные на материалах гидронимии В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым, подтверждаются и в данных археологии³².

2.1. *Гунга*, ур. (с. Спасское, Сосницкого р-на, Черниговской обл.). В названии возможно отражен литовский аппелятив *gũnga* „кривизна, горб“. С точки зрения фонетики *Гунга* представляет двойной интерес: 1) как форма с носовым инфиксом, поскольку в этом же значении употребляется и шире известно слово *gugà* (LKŽ, III, 701, 731) и 2) как вариант основы со

²⁷ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва, 1962, 192.

²⁸ Е. М. Поспелов, Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат, — Микротопонимия, Москва, 1967, 25.

²⁹ Т. А. Марусенко, Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов), — сб. Полесье, Москва, 1968, 231.

³⁰ О. С. Стрижак, Полтавсько-слобожанські ґруні, — Територіальні діалекти і власні назви, Наукова думка, Київ, 1965, 179.

³¹ В. И. Абаев, Указ. соч., 646.

³² См. В. В. Седов, Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье, — Советская археология, 4 (1965), 57.

звонкими согласными, параллельный такому же образованию с соответствующими глухими: к одному корневому гнезду с *gūnga* принадлежит и *gaūgaras* „холм“; вершина горы – звонкий вариант, который чередуется с глухим – *kaūkaras* „то же“³³. На Черниговщине в связь с последним можно поставить название села *Кукары (Кукоры)* (см. ниже.).

Поскольку топонимические образования необходимо сравнивать прежде всего с топонимическими формами, то относительно инфиксации интересно отметить следующее: среди 8 примеров топонимов от основы *gunga/guga* инфиксированные названия локализуются в Жемайтии – *Guñgė*, луг (Неварденай, р-н Тельшяй), *Gungynas* (часть с. Селяняй, р-н Клайпеда), *Gūngos lan̄ka*, поле (Андуляй, р-н Клайпеда), *Gūngos krūmai*, лес (Смильгинай, р-н Клайпеда), тогда как простые – в Аукштайтии (Игналина, Дукштас, Пакруоис, Арёгала)³⁴. Следовательно, на топонимическом уровне можно предположить наличие черниговско-жемайтской изоглоссы Гунга (*Gunga*).

2.2. *Кукоры* (вар. *Кукары, Кукари, Кукарь*), село (левый берег Днепра на юго-запад от Любеча, теперь Репкинского р-на, Чернигов. обл.), ороним *Кукори́кова Гора (Кукорі́кова Гора)* – с. Опачичи (правый берег Припяти), Чернобыльского р-на, Киевской обл. Ср. лит. *Upės taip patvino, jog tik patys kaukorai beliko* (LKŽ, V, 423) „Речки так разлились, что только одни холмы еще остались“.

Единственный из известных сегодня аппелятивов, которые имеют в себе суффикс *-oras*, диал. *kaūkoras* (GJL, II, 150) „горб/гребень укоса“ нашел отражение в ряде топонимов из Жемайтии: *Kaukāras*, гора (Гудяляй, р-н Плунге), и Аукштайтии: *Kaukāras*, луга (Наконис, р-н Аникшяй), *Kaukārai* (ап. Неменчине, р-н Вильнюс) (ЛТК).

Как вариант ср. названия литовских сел *Kūkariškė, Kūkariškiai, Kūkarskė* (соответственно районы: Шилале, Пакруоис, Шакияй), также аппелятивы типа *kukārai, kūkarai* „горб, плечи“ (Жлибинай, р-н Плунге (Жемайтия), Марцинконис, р-н Варена (зап. Дзукия) (LKŽ, VI, 791). Лат. *kukurs* „горб, кусок земли или глины на вспаханном поле“, которое легло в основу ряда географических названий, в том числе и возвышенностей, как *Kukur-kalns* и т. п. (LV, I, 2, 166). *Kaukaras, kukarai, kukurs* и т. п. в балтийских этимологических словарях ставятся в связь с русским олонецким *кукры* „плечи“, череповецким *закукры*: *на закукрах* „на спине“, тогда как финно-угроведы, хотя и под вопросом, сравнивают последнее с эст. *kukui* „затылок“

³³ К. Вūga, RR, I, 448.

³⁴ Топонимическая картотека Института литовского языка и литературы АН Лит. ССР (Вильнюс). Далее: ЛТК.

(см. ME, II, 303, LEW, 230, Эс, II, 406). Таким образом, речь идет о северном ареале лексемы, из-за чего для украинского топонима остается принять версию о его балтийском происхождении. Ср. вариант *Гунга* (см. выше).

2.3. *Скитерево*, ур. (с. Выхвостов, Тупичевского р-на, Черниговской обл.). Аппелятив, который лег в основу топонима, ведет к литовскому языку, в котором *sketerà* известно как вариант к *keterà* в двух рядах значений: 1 а) „хребет животного около шеи, холка“; б) „выступ груди (у птиц)“; в) „грудь (коня)“ и 2) а) „удлиненное возвышение на ниве, верхняя часть борозды“; б) „верх, вершина“; в) „гребень крыши“ (см. LKŽ, V, 648). С первым рядом значений несомненно связан белорусский термин *скітер*³⁵, тогда как с другим как с названием формы рельефа — топоним *Скитерево*. Ср. название с. *Sketerai* (ап. Кайминай, р-н Ширвинтос, LATS, 926), х. *Sketeriai* (лесничество Куртувенай, р-н Шяуляй), *Sketeřnė*, луга с болотом (Антагине, р-н Каунас). В памятниках — *Скетеры* (*Скитеры*), с. Бержанской вол. Жомойтского княжества под 1650 г. (IM, III, 1153), *Скитеровская земля* в Виленском воеводстве под 1584 г. (там же, 1157) — ср. *Скетеры*, с. Муснинской вол. Виленской губ. (Сп. Вил., 57).

В семантическом отношении исследуемое название представляет тот интерес, что это еще один пример балтизма с территории Черниговщины, который обозначает возвышенность [ср. также *Гунга*, *Кукары* (*Кукори*)].

С фонетической точки зрения топоним *Скитерево* интересен как форма с протетическим *s-*, которая является менее распространенным вариантом этой основы, известным, в частности, в Жемайтии, а также в памятниках письменности.

Таким образом, фонетико-морфологические особенности лит. (жемайтского) аппелятива *sketeras* находят свое параллельное отображение в белорусской лексике и украинской топонимии. Допустимо предположить, что *Скитерево* является частичным свидетельством о диалектном характере тех балтов, которые оставили в наследство восточным славянам это название.

3.0. Совместное рассмотрение балтийских и славянских материалов, относящихся к орографической терминологии, в частности, ее отражению в топонимике, не только желательно, но и зачастую необходимо как для славянской, так и для балтийской стороны. При этом выяснение общих черт является не менее перспективным для „цепной реакции“ будущих исследований, чем и выявление элементов одних языков в составе других:

³⁵ См. А. П. Непокупний, До балто-східнослов'янських мовно-етнографічних та етнічних взаємин, — Мовознавство, 3 (1969), 19.

определение общего и различного — это только два противоположных выхода из сопоставления.

3.1. Если в настоящее время считать уже законченным вопрос о происхождении названия реки Горыни, притока Припяти, которое О. Н. Трубачев в отличие от своих предшественников связывает не с аппелятивом *гора*, а с иллирийским *gerin-/*gerūn, объясняемым как „источник“³⁶, то все же нельзя уйти от этого гидронима, не указав на тождественное название в бассейне нижней Вислы — оз. *Gogun*, фиксируемое еще под 1293 г. (*Gogun*)³⁷. Ср. в литовском *gūgas* „холм, возвышенность; вершина горы“, которое отмечено в Понеманье (Шакяй, Каунас, Алове — LKŽ, III, 741) и реки *Gurupelis*, *Guīpuris* и др.³⁸ Ясно, что при окончательном решении этимологической судьбы *Горыни* участие балтийских данных обязательно.

3.2. Лит. *kalvakà* „небольшой холм, пригорок“ Пр. Скарджюс назвал „очень необычным существительным уменьшительного значения“³⁹. Очевидно, эта лексема вошла в научный обиход благодаря литовскому словарю Нессельмана (1851), поскольку на сегодняшний день эта фиксация термина является и наиболее старой, а примеры из диалектов не зафиксированы (см. LKŽ, V, 164). За прошедшее столетие единственным материальным дополнением к словарной статье Нессельмана следует считать попытку Э. Леви (1904), объяснить с помощью этого термина два древнепрусских топонима, зафиксированных под 1258 г. в Самбии (кстати, на той же территории, где шесть веков спустя издан словарь Нессельмана): *Myntite colowach* и *Sunecolowach*⁴⁰.

В качестве рабочей параллели к древнепрусск. *colowach* (ch=k) можно указать полесский гидроним — оз. *Коловач* (Цмины, Колковского р-на, Волынской обл.). Ср. в соседнем селе Костюхновке протекает р. *Горбач*.

Относительно самого по себе лит. *kalvakà* как словообразовательного раритета ср. укр. *горба́ка* „холм, пригорок“ (в частности, в Житомирской обл.)⁴¹.

4. Выпуклые формы рельефа в условиях низменности являются наиболее ориентирующим признаком местности, и потому использование орографических терминов как основы для топонимического словообразования можно считать одной из существенных черт топонимии восточной части

³⁶ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, М., 1968, 235.

³⁷ *Hydronimia Wisły, I, Wrocław ...*, 1965, 765; G. Gerullis, *Die altpreußischen Ortsnamen*, Berlin und Leipzig, 1922, 44.

³⁸ *Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas*, Vilnius, 1963, 55.

³⁹ Pr. Skardžius, *Lietuvių kalbos žodžių daryba*, Vilnius, 1943, 125.

⁴⁰ См. G. Gerullis, *Указ. соч.*, 99, 176.

⁴¹ Т. А. Марусенко, *Указ. соч.*, 224.

Украинского Полесья. Эта тенденция существует на данной территории, вероятно, уже в течение многих веков, чем и следует объяснять наличие среди терминов — основ топонимов — как разнодиалектных славянских, так и балтийских, и иранских апеллятивов. Последние обнаружены только в гидронимии (дегидронимические ойконимы как *Борзна* — это вторичное явление), тогда как балтийские представлены также в названиях различных урочищ. Своеобразной чертой таких орографических топонимов являются определенные участки сгущения их, когда в относительно небольших ареалах концентрируются балто-ирано-славянские наименования, которые в пространстве как бы переводят друг друга.

Проведенные наблюдения ставят более широкий вопрос о сопоставлении орографической терминологии иранских, балтийских и славянских языков, что было бы важно для историко-географической проблематики индоевропейского языкознания в целом.

Сокращения

- Сп. Вил. — Список населенных мест Виленской губернии, Вильно, 1905.
Эс. — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, Москва, I—II (с 1964).
GJL — J. Otrębski, Gramatyka języka litewskiego, Warszawa, I—III (с 1958).
IM — Indeks alfabetyczny miejscowości Dawnego Wielkiego księstwa Litewskiego, Wilno, 1929.
LATS — Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas, Vilnius, 1959.
LEW — E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1962.
LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas, Vilnius I—VII (с 1941).
LV — J. Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi, Rīgā, I, 1—2 (с 1956).

полесского слова. В отличие от латышского термина лит. *kūdra* (*kūdrā*, *kūdrē*) означает: 1) „небольшой пруд (обычно естественный, не выкопанный), болото“; 2) „влажное место, обросшее кустарником“ и др. (LKŽ, VI, 768–769). Как апеллятив лит. *kūdra* известно на всей территории Литвы, в том числе и в пограничной литовско-белорусской зоне (Диевенишкес, Радунь), откуда территориально можно прямо перейти к приведенным выше фактам белорусских говоров.

2.3.1. Попутно заметим, что термин *kūdrūnas* (со значением аналогичном *kūdra*) по данным академического словаря литовского языка, локализуется только в Лаздийском (Будвиетис, Кучюнай, Лаздияй, Швянтэжярис) и Алитусском (Нямунайтис) районах (LKŽ, VI, 770). Ранее мы уже отмечали, что по сравнению с *karai* и *karinēs* „ареал формы *karinūnas* находится исключительно в пределах дзукских говоров к западу от Варены“²³. Таким образом, выявление еще одного примера позволяет теперь ставить вопрос о склонности к образованиям на *-ūnas* как особой словообразовательной черте западнодзукских говоров, которые в этом отношении противопоставлены остальной диалектной территории литовского языка.

II. ТОПОНИМЫ

Топонимия — это кладбище апеллятивов. Отжившие слова находят свое последнее пристанище в географических названиях, и, подобно археологу, языковед порой занимается раскопками погребений из прошлых эпох жизни языка. Состоя из напластований различных времен, топонимия с необходимостью содержит в себе иноязычные апеллятивы, отношение которых к апеллятивам как языков-источников, так и языков-восприемников весьма сложно. Обязательный компонент таких апеллятивов — географическая терминология.

Общий низменный характер Полесья, предопределяя развитие в его говорах богато дифференцированной системы понятий и терминов, относящихся к пониженным формам рельефа, вместе с тем не только не отрицает существования в полесской природе и языке противоположных, возвышенных типов поверхности, а напротив, ставит их, можно сказать, на видное место. В. А. Никонов отметил: „Волга разделяла бывшую Казанскую губернию на высокую „горную“ сторону и низменную „луговую“, — в гор-

²³ См. А. Непокупный, К изучению литовско(дзукско)-белорусских словообразовательных связей. Шяуляйский педагогический институт им. К. Прейкшаса. Научно-методическая конференция преподавателей. Тезисы докладов, Шяуляй, 1966, 31.